

Глава первая

С годами некоторые девушки из аппетитной булочки превращаются в пухлый батон.

Я отошла от зеркала. Не стоит себя обманывать, я никогда, даже в детстве, не походила на маленькую плюшку с маком, зато сейчас го-спожа Сергеева — большой торт.

Горестно вздыхая, я распахнула шкаф. На дворе октябрь, зарядил нудный дождь, пора достать куртку потеплее и примерить ее. Девушка-торт не всегда может влезть в вещь, которую купила год назад.

— Танюша, — закричала из коридора Ирина Леонидовна, — твой рабочий телефон мигает, на него эсэмэски сыплются.

Дверь в спальню приоткрылась, в комнату всунулась рука с мобильным.

Я засмеялась:

— Рина, входи!

— На работу собираешься? — спросила свекровь, появляясь в спальне. — Я закрою

все ваши двери снаружи на задвижки и кабинет Вани тоже.

— Яна приедет? — догадалась я.

Рина закатила глаза.

— Да! Предстоит суровый денек. Главное, не извлекать заранее из кладовки стол. Альберт Кузьмич мигом сообразит, что готовится, и занычится так, что искать его придется целый день.

— У кота есть стандартные места, где он надеется укрыться от Яны, — усмехнулась я, — под креслом, в холле, в библиотеке на первом этаже.

— Да уж, — вздохнула Ирина Леонидовна, — когда мне удалось купить апартаменты под нашей квартирой, я очень радовалась. У меня прибавились помещения для хозяйственных нужд, мы получили вторую гостиную, еще одну столовую, а спальни оставили на прежнем месте.

— Шикарно устроились, — согласилась я.

— Да, просто суперски, — сказала Рина, — но есть засада, Альберт Кузьмич, Мози и Роки, поняв, что сейчас появится Яна, нычатся так, что их не найти. Миновали времена, когда кот ложился на стул в столовой, прятался под скатертью или залезал за кресло в библиотеке. А бульдожки неслись в мою спальню, запихивали головы под кровать, правда, их было

удобно схватить за торчащие наружу задние лапы и вытащить.

Раздался звонок телефона.

— Яна! — подпрыгнула Ирина Леонидовна и убежала с воплем: — Надя, Надя, лови их, хватай!

Послышался топот, сопение, в спальню влетели собаки. Я, хихикая, вынула из шкафа джинсы.

В нашем доме живут два французских бульдога — Мози и Роки. Говорят, что собаки похожи на хозяев. И это правда, я определенно родня псам, у которых нет талии, за что они дома получили прозвище «кабачки». Таня-батон и псы-кабачки прекрасно ладят. Иногда, когда мой муж Иван Никифорович отправляется в командировку, мне приходит в голову не самая удачная мысль: купить на углу в кафе пару пирожных и тайком слопать их в кровати, читая новый детектив Смоляковой. Половину неразумного желания я осуществляю легко, прячу пакет в сумку, открываю дверь в квартиру и вижу бульдожек, они сидят у порога с самыми счастливыми улыбками на мордах. Я иду в комнату, собаки спешат за мной, обнюхивают сумку и скулят. А когда я прошмыгиваю в спальню, закрываю плотно дверь, приняв душ, устраиваюсь в кровати и начинаю разворачивать свою тайную

еду... Вот тут начинается цирк в огнях! Бульдожки бьются в запертую дверь, рыдают, они отчаянно хотят получить свою часть лакомства.

Раз в несколько месяцев в семье возникает конфликтная ситуация. Уж не знаю, каким образом вся стая узнает, что ее парикмахер вошла в подъезд. Яна еще не позвонила в дверь, а из коридора уже слышатся бодрый топот и сопение. Это кабачки рысят в нашу с мужем спальню, у них есть одно место для того, чтобы спрятать свои головы. У Мози и Роки нет полета фантазии, похоже, они не понимают, что у них есть ноги. А вот Альберт Кузьмич испаряется бесшумно, исчезает аки тать в ночи, и после того, как наша квартира стала двухэтажной, он постоянно меняет дислокацию. Мы в конце концов сообразили, что животные чувят Яну издалека. И теперь она оповещает нас, въезжая во двор. Но наша стая состоит из экстрасенсов. Вот сейчас через секунду после того, как ожил домашний телефон, я услышала традиционный топот, сопровождающее его сопение, и бульдожки очутились в спальне. На что угодно готова спорить: Альберт Кузьмич тоже уже исчез с радаров.

Я быстро оделась, вышла в холл и столкнулась с Яной, которая снимала куртку.

— Погода не майская, — сообщила она, — дождь льет. Зверушки занычились?

— Двое, как всегда, под кроватью, а кота придется искать, — отрапортовала я и ушла, держа в руке телефон, на который сыпались сообщения. Все они были от Димона.

Сев в машину, я включила громкую связь и сказала:

— Сейчас приеду.

— Купи чего-нибудь по дороге, — попросил Коробок, — лучше шаурму.

— Она вредная, — возразила я, — от такой еды толстеют.

— Отлично, — обрадовался мой лучший друг, — ты, как всегда, на диете. А мне она зачем? Возьми самую большую, с двойной начинкой.

Вот теперь скажите, есть ли в жизни справедливость? Почему Димон остается худым, лопаая все в любых количествах? Он может сожрать суп, второе, закусить мороженым, плотно поужинать перед сном, и к обжоре даже сто граммов не прилипнет. А я, которая после пяти вечера не смотрю на листик петрушки, постоянно борюсь с лишним весом, и он меня всегда кладет на лопатки.

Продолжая сетовать на свою горькую судьбушку, я купила для Димона шаурму, постояла некоторое время в кафе, насладилась ароматом блинчиков, котлет, жареных куриных ножек, картофеля фри и отправилась в офис.

Глава вторая

— А вот и доставка харчей, — обрадовался Димон. — Почему ты такая грустная?

Рассказать приятелю, что опять увидела на весах не ту цифру, которую хотела узреть? Ну уж нет. Хорошо помню, как пару дней назад Коробков купил на всех пиццу, а мне вручил коробку с надписью «Особая для Тани». Я подняла крышку и обнаружила внутри крохотный листик салата, на котором лежала веточка укропа. Коробок постоянно зудит мне в уши:

— Перестань мучить себя глупыми диетами. Толку от них ноль. Ешь все, чего хочется, и вес пойдет вниз.

Я не такая дуручка, чтобы верить Димону. Но, к сожалению, он прав насчет диет, на меня они не действуют. Я перестала считать калории после того, как узнала, что калория — это количество энергии, которое позволяет нагреть один грамм воды на один градус. Значит, эски-

мо, примерно триста калорий, делает стакан воды теплым. Пусть так, но почему я прибавляю от воды в весе? Нет ответа. Полгода назад я выбросила таблицы подсчетов, теперь я ем два раза в день: утром и в шестнадцать часов. Все жирное, сладкое, сосиски, колбаса, пельмени, котлеты, сыр исключены из рациона. Вкус жареной картошки давно забыт, мимо кондитерских я прохожу, зажмурившись, о фруктах даже не вспоминаю, в них фруктоза. Что я ем? Листья салата, овощи. И толстею. На всякий случай я прошла по всем врачам, вердикт: здорова! Почему вес не падает? Вразумительного ответа я ни от кого не получила. Возможно, мои предки произошли от слонов или бегемотов, а с генетикой не поспоришь.

— Тань, у меня для тебя подарок, — улыбнулся Димон.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Почему не спрашиваешь какой? — продолжил Коробков.

— А вот и я, — оповестила всех Ада Марковна. — Танюша, что у нас замечательного?

Мой телефон звякнул. Я посмотрела на экран. «Отдам презент потом, не хочу при всех».

Дверь опять открылась, и появилась прекрасная блондинка, такая роскошная, что Димон воскликнул:

— О господи!

Я посмотрела на незнакомку и поняла, почему Коробок так отреагировал.

У блондинки были щечки-яблочки, губы-бантики, широкие до изумления брови, похожие, позаимствованные у медведя. Грудь девушки походила на два спелых арбуза. Одета она была затейливо. Короткая юбка из зеленой кожи, розовый пуловер с глубоким V-образным вырезом, сквозь который были хорошо видны сочные перси. Белые ботфорты и крохотная сумочка с надписью Diog завершали образ роскошной жены олигарха, которая очень любит бутики элитных брендов на рынке «Садовод».

— Здрааасти, — нараспев произнесла юная леди, — Ваня сказал, что предупредил вас о моем визите!

Первым очнулся Димон:

— Добрый день. А кто у нас Ваня?

— Аха-ха, — рассмеялась незнакомка, — люблю, когда шутят. Ваня ваш самый большой начальник. Он велел своей жене...

На мой телефон опять прилетело эсэмэс, на сей раз от Ивана Никифоровича: «Придет Риччи. Бери ее в свою бригаду, присмотри!»

— ...взять меня в свой коллектив, — договорила блондинка.

— Вы Риччи? — уточнила я.

— Ага, — подтвердила девушка.

В особые бригады абы кого не пригласят. Иван всегда тщательно проверяет человека перед тем, как взять его в штат. И я привыкла, что моя бригада — завершающий этап проверки. Потенциальный сотрудник работает у нас некоторое время, и если все хорошо, он переходит в тот коллектив, где будет служить постоянно. Раньше мне роль воспитателя детского сада не нравилась, но теперь я привыкла. Риччи сидит в нашем офисе. Значит, муж посчитал ее хорошим специалистом.

Телефон опять запищал. Я увидела очередное эсэмэс от Коробкова: «Рот закрой».

Я встрепелулась.

— Очень приятно, меня зовут Татьяна.

Риччи зааплодировала.

— О! Вы жена Вани! Он вас бешено любит, прямо до истерики. Первый случай в моей биографии, когда мужик на диван меня не потянул. Ваня говорил, что вы, Таня, мегасупер-агент. Я так рада работать здесь!

С этими словами блондинка бросилась мне на шею и, прежде чем я успела отшатнуться, вlepила поцелуй мне в нос.

Я чуть не скончалась от аромата вонючих духов. Но тут в офис вошел Никита Павлович¹ и с порога зачастил:

— Привет. Опоздал. Пробки. Как дела? Кто у нас в гостях?

Блондинка выпустила меня из цепких объятий и обернулась.

— Матерь Божья, — ахнул Никита, который называет себя атеистом и никогда не ходит в храм.

— Э... э... — протянула Ада Марковна, — раз Иван Никифорович так решил, значит, новая сотрудница с нами. А как вас зовут?

— Риччи, — повторила блондинка и села на мое место во главе стола.

— Это мы поняли, — сказала Ада. — А что в паспорте?

— Ой, зачем вам это? — пожала плечами Риччи. — Маманя начудила. Настоящее мое имя даже спьяну не произнести.

— У Наташи из бухгалтерии живет мопс Риччи, — заявил Никита.

Я опустила глаза, ну, Димон, теперь твоя очередь, чего хорошего ты скажешь?

¹ О том, как Ада Марковна Штольцбаумкенрайз и Никита Павлович стали членами бригады Татьяны Сергеевой, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Лазурный берег болота».

— Татьяна, к вам Инесса Листова, — произнес голос нашего секретаря.

— Пусть заходит, — ответила я.

— Ой! Кто говорил-то? — изумилась Риччи. — Вроде все молчали!

Димон показал на небольшое отверстие в центре круглого стола, за которым сидела команда.

— Там есть микрофон, связь с дежурным, он находится у лифта.

Риччи подпрыгнула:

— О-о-о! Какая у вас шикарная аппаратура! Восторг! Прелесть.

Я посмотрела на Аду Марковну, та почесала правое ухо. На нашем языке жестов это означает: «Держись, Танюша, главное, все живы, с остальным справимся».

В офис всунулась голова нашего нового секретаря Юры:

— Впускать?

— Кого? — уточнила я. — Назовите имя и фамилию гостя.

— Так я уже говорил, — заявил парень.

Я сделала глубокий вдох. День сегодня начался бодро и продолжается так же. Интересно, как он завершится? Надеюсь, на Москва-реке не появятся льдины с пингвинами, а в центре города не приземлится инопланетный корабль

с чудовищами. Все остальное меня не выбьет из колеи. Впрочем, пингвины мне могут даже понравиться. И может, кто-то объяснит парню на рецепшене, что имя гостя надо повторить, когда просят это сделать.

— Входите, — приказал из коридора Юра.

На пороге появилась молодая женщина в простом бежевом платье, на плече у нее висела торбочка без опознавательных знаков. А на пальце посетительницы сиял «бриллиант» большого размера. Ничего особенного ни в ее одежде, ни во внешности не было. По улицам российских городов ходят тысячи таких скромно одетых тетушек, которые любят бижутерию.

— Добрый день, — произнесла она, — меня зовут Инесса. Если можно, без отчества, не люблю его.

— Конечно, — улыбнулась я. — Татьяна, начальник особой бригады. У компьютера сидит Дима, слева Никита, по левую руку от меня Ада Марковна, в кресле Риччи.

— Очень приятно, — стандартно отреагировала гостя, — я пришла к вам с необычной проблемой.

— Мы к таким привыкли, — откликнулась Ада, — рассказывайте спокойно.

— Попробую не волноваться, хотя это и трудно, — призналась Инесса.

Глава третья

— Родную маму я плохо помню, мне о ней рассказывал один раз отец, — начала гостя, — где служил Илья Петрович Листов, так звали папу, я не знаю. Он с юных лет был сиротой, сам кое-как в жизни пробивался. Мать мою звали Тамарой Владимировной Ефимовой, у нее в двадцать лет случилась нежелательная беременность. Тамара слышала об абортах, но то, что его можно сделать только до двенадцати недель, понятия не имела, пошла в женскую консультацию на пятом месяце. Ей там высказали все, что думали о безответственной девушке. Пришлось папе на ней жениться. В загс они отправились за пару дней до родов. Сотрудники покосились на большой живот невесты, но ничего не сказали, паре поставили печати в паспорта. Началась у родителей семейная жизнь. На свет появилась я. Бытовые условия были не ах. Барак. У молодых одна десяти-метровая комната. Туалет и колодец во дворе.

Городского телефона не было, газ на общей кухне в баллоне. Дом находился в Подмосковье на перекрестке. Направо поворот на село Совино, налево на Москву. Папа ездил в столицу на службу, постоянно опаздывал, потому что рейсовый автобус ходил как придется. Мама сидела со мной дома, а потом...

Инесса заложила за ухо прядь волос.

— Мне трудно осуждать ее. Она была тогда совсем юной, никто ей не помогал. Где были ее родители? Понятия не имею, бабушку с бабушкой я никогда не видела. Папа — сирота. Где его отец и мать? Один раз я поинтересовалась и услышала:

— Я рос в приюте. Я подкидыш.

Отец был старше мамы всего на год. Ни квартиры, ни денег, ни связей, ни кого-либо в помощь не было. Вот зачем ребенка рожать? Можете ответить?

— Они просто не подумали, что младенец появится на свет, — предположила Ада Марковна.

Инесса кивнула:

— Возможно, вы правы. Та же мысль и мне приходила в голову. Беспросветно нищую жизнь Тамара терпела не один год. Дни рождения они с папой не отмечали. Денег даже на вафельный торт не было.

Риччи подняла руку.

— Вопросик. Вы не помните маму?

— Нет, — подтвердила гостья.

— Но знаете, что родители оставались без праздника и торта. Вам кто-то рассказал о том, как они жили в бараке? — нараспев произнесла блондинка.

— Да, потом объясню кто, — кивнула Инесса. — А вот как я жила в приюте, уже сама помню. От меня папа, Илья Петрович, не отказался, но ему предложили новую службу с хорошим окладом и ненормированным рабочим днем. Поэтому я оказалась в интернате и прожила там год. Папа мне сказал: «Скоро за тобой вернусь, поживешь тут недолго. Назови свое имя». Я ответила: «Несси», отец меня похвалил: «Умница. Тебе два года. Меня зовут Илья Листов. Не забывай это. Тебе два года. Илья Листов. И помни, что непременно уедешь домой».

— Два года? — повторила Дюдюня. — Совсем крошка. Но, похоже, отец вас взрослой считал.

— Принято думать, что дети в таком возрасте еще глупые, быстро все забывают, а вот я помню, — заявила Инесса, — никто меня там и пальцем не тронул. Отдельная спальня, кормили вкусно, игрушек было много разных, вся-

кие занятия. Там еще несколько девочек жили, четыре-пять, может, шесть. Я оказалась умнее всех, остальные почти не говорили, одеваться не умели. А я ловко все проделывала. Меня всегда хвалили, но, несмотря на замечательные условия, я постоянно слезы лила. Домой хотела.

— В барак? — удивилась Риччи.

— Странно, да? — усмехнулась посетительница. — Живу в прекрасной комнате, ем вкусно, а рвусь в нищету. Я хотела к папе. Примирил меня с приютом Новый год. В своей группе я была самая высокая, умная, скучала с другими детьми, хоровод под елкой мне разрешили водить вместе с ребятами постарше. Дед Мороз подарил мне домик с набором мебели и куклами. Потом нас угостили лимонадом, тортом. А с января меня перевели заниматься с детьми, с которыми я праздник отмечала. У меня появились приятели. Но все равно, когда папа приехал, я обрадовалась так, что слов нет. Но были и неприятные моменты: меня звали — Инной. Фамилию тоже коверкали — Леснова.

— У вас интересная память, — удивилась Дюдюня, — внешность матери вы забыли, но помните о бараке и интернате.

— Верно, — подтвердила клиентка, — даже название приюта могу назвать: «Луч света».

— Дети в два года, как правило, еще не знают свою фамилию, — не утихла Ада.

— Со мной было иначе, — возразила гостья, — первое время я поправляла воспитателей, говорила: «Я Инесса Листова, можете звать меня — Несси. А они опять — Инна Леснова. Ну и через какое-то время я перестала возражать, стала на Инну отзывать. Да, память у меня редкая. Слова отца при расставании до сих пор помню:

— В бараке жить плохо. Я уеду на Север. Вернусь и заберу тебя. Запомни, Несси, интернат не навсегда. Ты снова окажешься дома.

Я ждала папу, и он приехал. Правда, сначала я не узнала его.

Рассказчица засмеялась.

— Он похудел, бороду отпустил. Я думала, что у него голубые глаза, а оказалось, карие. Сначала я даже не побежала к нему. Но он произнес: «Нессинька, цветочек, лучший мой дружок, больше всех ее люблю, чаще всех ее хвалю». И я поняла: это папа, он для меня сам этот стишок сочинил. Сразу на шею ему кинулась. Помню, как в машине ехали, в дом вошли, папочка дверь открыл, а за ней квартира бесконечная! Я, наверное, неделю путалась в коридорах, иду на кухню, а оказываюсь около

спальни. И самый яркий момент: отец открывает створку розового цвета со словами:

— Несси, это твоя спальня.

Огромный зал, кровать под балдахином, шкафы с книгами, игрушками, мягкий ковер. Своя ванная. Гардеробная, набитая новыми вещами. Я неделю это богатство изучала. Привыкла, что у меня три платья: два домашних, а одно для выхода из приюта, например к врачу. Из обуви: парусиновые туфли, осенние ботинки и валенки. У меня после интерната осталась привычка скромно одеваться.

— Вы хвалили приют, а сейчас говорите о скудном количестве нарядов, — удивилась я.

Инесса улыбнулась.

— Меня привезли в интернат из барака, там у нас была одна комната, туалет во дворе, для меня горшок. Ванны не имелось, на табуретку ставили таз. Холодно зверски было! А в детском доме своя спальня, душ. Потом, когда я вспоминала интернат, поняла, что там было чисто, хорошо, ребятам, которые в муниципальных учреждениях живут, такая красота и не снилась. Но по сравнению с апартаментами, куда меня папа привез, приют убогим казался. А насчет одежды... Воспитатели часто говорили:

— Человеку не надо жадничать. Зачем ему сто пар туфель? Если есть лишние деньги, луч-

ше потратить их на помощь тем, кто заработать не может, отдать пожилым, больным, нищим.

Небольшое количество платьев — воспитательный прием.

Гостя засмеялась.

— Жизнь прекрасная началась! Папа не женился, мачеху не привел. Я пошла в частный садик. Еще у меня появилась няня Лена. Елена Николаевна Волобуева. Она мне стала настоящей мамой.

Рассказчица замолчала, потом вдруг неожиданно сменила тему.

— Я владелица детского центра, там есть всякие занятия по интересам. «Волшебный поезд» популярен. Почему такое название? Наш слоган «Едем за знаниями». Я не замужем, еще молодая, не хочу пока вешать на шею брачный хомут. Но у меня есть Вадим.

Инесса опустила голову.

— Извините, я тяну время, чтобы не сказать: «Папа умер». Илья Петрович скончался в тот год, когда я готовилась к школе. Инсульт у него случился неожиданно для всех. Отец никогда не жаловался на здоровье. И он был молодой, сорока не исполнилось. Я хорошо тот день помню. Елена...

Инесса на секунду умолкла, потом продолжила:

— Елена Николаевна очень хорошая. У Волобуевой нет ни мужа, ни детей, ни родственников. Она меня считает дочерью, а я к ней отношусь, как к матери.

— Значит, вы совсем не помните ту, кто вас на свет родила? — спросила Риччи.

— Нет, — коротко ответила гостья и добавила: — Совсем не помню. Знала, что она умерла, поэтому я оказалась в интернате, когда отец уехал на Север. Но саму мать начисто забыла. После похорон папы няня сказала:

— Несси, я тебя люблю. Откладывала свою зарплату, тратить ее не на что. Живу здесь на всем готовом. У меня есть неплохой запас, сейчас его распечатаю, и все у нас будет отлично. Никогда от тебя не уйду, ты моя любимая девочка.

Посетительница посмотрела на меня:

— Можно водички?

— Конечно, — ответил Никита, взял одну из бутылок, стоявших на столе, открыл ее и подал гостье полный стакан.

Та быстро его осушила.

— Когда папа меня из приюта вернул, я была маленькой. Елена Николаевна меня на пороге новой квартиры встретила, через короткое время я стала ее мамой называть. Когда отца похоронили, всеми делами занялся Вик-

тор Маркович Шикин, для меня дядя Витя, лучший друг семьи. Он в доме появился через пару месяцев после похорон папы. Елена Николаевна его очень радостно встретила. Он мне подарок принес, обнял и сказал:

— Давай знакомиться. Я лучший друг твоего отца. Жил не в Москве, поэтому в гости не приезжал. Лена мне сообщила о кончине Илюши, я бросил все и примчался. Постараюсь стать тебе дядей, родным человеком.

Отец оставил завещание, Шикина он назначил управляющим всего своего бизнеса. Я не интересуюсь финансовыми вопросами, дядя Витя мне был как папа. Все шло хорошо.

Инесса налила себе еще воды из бутылки.

— Со дня кончины папы не один год миновал, я стала взрослой. И вдруг! Появилась Тамара Владимировна Ефимова! Был вечер, мы с Вадиком собирались в театр, настроение было прекрасное, смеялись, шутили. Я прическу сделала, макияж, платье новое приготовила. После спектакля мы планировали в ресторане посидеть. Время было около шести, спектакль начинался в семь тридцать, мы в холле одевались. Раздался звонок в дверь. Я посмотрела на экран и увидела незнакомую женщину.

Инесса отодвинула пустой стакан.

— Наш дом малоэтажный, один подъезд, всего пять квартир. Закрытая территория, по-сторонний туда зайти не может. А эта дама уже стояла на лестнице. Значит, ее кто-то из наших впустил, гостья перепутала квартиры. Не думая ни о чем дурном, я осведомилась:

— Вы к кому?

От ответа мороз по коже побежал.

— Хочу с Ильей Петровичем поговорить.

Я онемела, спасибо, Вадюша на помощь пришел, безо всяких эквивоков осведомился:

— Вы кто?

Второй ответ и Вадима из колеи выбил, я ему про себя все рассказала, а дама по-прежнему безо всякой нервозности пояснила:

— Его жена, Тамара Владимировна Ефимова.

Мы в ступор впали, в холл вышла мама. Я имею в виду Елену Николаевну, она поинтересовалась:

— Вы кого-то в гости ждете?

— Ее точно нет, — ответила я, — на лестничной клетке стоит Тамара Владимировна, жена папы.

Мама брови домиком поставила.

— Надо ее впустить, поговорить с ней.

Я молчу, а Вадик рассердился.

— Если она жива, то где все это время находилась?

Мама голову опустила и ничего не ответила.

Я стою, слов тоже нет. Зато у Вадика их много нашлось.

— Ребенка мадам кинула, когда он очень в матери нуждался. Из-за того, что кукушка улетела, девочка в приют попала, хорошо, что у Ильи Петровича дела в гору пошли, он дочку оттуда забрал. Слава богу, что вы в семью пришли, мамой ей стали. А если бы нет? Никогда Несси Тамару не волновала, она ни разу о дочке не вспомнила, с днем рождения, с Новым годом не поздравляла, вычеркнула ее из своей жизни. Скомкала, как использованную бумагу, и выбросила. А сейчас явилась. Тетя Лена, вы слишком добрая, «Может, у нее беда стряслась». Не может, а точно она в какое-то дерьмо угодила, и ей деньги понадобились. Гнать надо такую в шею! Надеюсь, Илья Петрович догадался развод оформить!

— Вадюша, если машина по луже на скорости проехала и тебя фонтаном облила, ты за ней бежишь, ругаешься, швыряешь в автомобиль камни? — спросила Елена.

— Конечно, нет, — фыркнул Вадим, — я же не идиот.

— А если кто-то поступил подло с тобой или с теми, кого ты любишь, это не значит,

что ты должен ответить тем же, — продолжала Лена, — я ее до того, как в дом Ильи пришла, не знала. Муж сказал: Тамара умерла. Естественно, я ему поверила. И женщина никогда не появлялась. О дочке не беспокоилась. Давайте выслушаем ее, разберемся, с какой целью она пришла.

Инесса отвернулась к окну.

Глава четвертая

Когда молчание затянулось, Никита прервал его вопросом:

— Вы открыли дверь?

— Да, — недовольно подтвердила посетительница, — Тамара Владимировна вошла в холл. Сразу стало понятно: у нее проблемы с финансами. Одежда старая, обувь жуткая, сумка с помойки. На голове черти овес молотили. Волосы в беспорядке, похоже, она сама себя стригла садовыми ножницами. Она устроила цирковое представление. Бросилась ко мне, давай обнимать, целовать, рыдать.

— Доченька, меня Илья прогнал! Запретил близко к тебе подходить! Хочу с тобой жить. Без мамули тебе плохо!

Запоздалое желание. Елена чай заварила, пирог подала, варенье домашнее. Я только радовалась, что не одна дома. Поговорили. Тамара выложила свою историю. Якобы она с моим

отцом поссорилась, он налетел на нее с вопросом:

— Почему у тебя целый таз грязной посуды?

Супруга начала оправдываться:

— Воды нет.

Илья удивился:

— К колодцу сбегать лень?

Тамара ответила:

— Девочку одну не могу оставить, а ты утром ведро опустошил, мылся, брился и убежал, о том, что я осталась без воды, не подумал. Почему сам не ходил к колодцу?

Обычная бытовая ссора. Такие быстро завершаются примирением и походом вдвоем за водой. Но в тот раз все обернулось иначе. Упреки переросли в свару, та в шумный скандал, во время которого насмерть обиженная Тамара припомнила мужу все его грехи, а Илья задал вопрос:

— Раз я полное дерьмо, зачем живешь с таким? Найди себе богатого, умного и топай к нему, но сначала себя реально оцени. В зеркало глянь: красоты нет, ума тоже, воспитание отсутствует, и хозяйка ты криворукая. К такой невесте денежные мешки непременно в очередь встанут! О такой они мечтают!

Тома схватила сумку, покидала в нее все свои малочисленные вещи, крикнула Илье:

— Спасибо за совет, прощай.

И убежала.

Пару месяцев Тамара ночевала у разных подруг, потом ее перестали приглашать в дом. Она испугалась, решила помириться с мужем, вернулась в барак и нашла комнату пустой. Вернее, там осталась мебель, посуда, постельное белье, все, что имела семья. А вот супруг и дочь отсутствовали. Куда они подевались, Тамара не понимала, она знала, что у Ильи нет родственников. Идти ей было некуда, прописана она в бараке. Тамара стала жить на старом месте, надеялась, что рано или поздно супруг появится, и они помирятся. Где и как искать свою семью, Тома не представляла. Соседка по бараку сообщила ей, что Илья и девочка куда-то уехали на автобусе, и посоветовала обратиться в милицию. Ефимова отправилась в отделение, попала в кабинет к молодому парню, тот отмахнулся от нее:

— В семейные дела мы не вмешиваемся. Разбирайтесь сами.

На том поиски и закончились. Тамара устроилась уборщицей в местный детский садик, ей хотелось быть поближе к детям, она тосковала по дочке, по Илье...

Инесса криво усмехнулась.

— Дальше говорить? Сообщить о страшных муках бабы, которая все глаза выплакала

от горя, но не поехала на работу к мужу, не стала расспрашивать его сослуживцев. Она определенно знала, где он работал. И не помчалась в органы опеки с заявлением о пропаже дочери. Не поговорила с дядей Витей, которого должна была прекрасно знать. Тамара много лет жила как хотела, а потом приперлась. Зачем? Как вы думаете?

— Захотела получить часть наследства, — предположил Никита, — это первое, что приходит в голову. Если брак не расторгнут, то вдова имеет право на свою долю. Многие думают, что объявить себя наследником можно только в течение полугода со дня смерти человека. В случае Ильи Петровича этот срок давно миновал, но, оказывается, претендовать на свою долю можно и потом.

— Что вы от нас хотите? — задала я свой вопрос.

— У меня нет ни капли любви к Тамаре Владимировне, — заявила посетительница, — моя мама — Елена Николаевна. Ради нее я готова на все. Но не она родила меня. Узнайте, кто эта тетка? Надо, конечно, сделать анализ ДНК. Если она мошенница, то каким образом узнала про барак? Если она не моя биологическая мать, то попытайтесь узнать: где баба нарыла нужную информацию. Если выяснится,

что она меня родила, тогда я куплю ей жилье. Но общаться с ней и, упаси бог, жить вместе не собираюсь.

— Где Тамара сейчас прописана? — осведомился Димон.

Инесса покраснела.

— Барак расселили. Тамара там была зарегистрирована, ей, как и всем, выделили отдельную квартиру в Новой Москве. Возьметесь за такую работу?

— Да, — кивнула я, — нам понадобятся адрес Ефимовой и ее телефон. И нам надо поговорить с Еленой Николаевной.

— Пожалуйста, она, правда, не знает, что я обратилась к детективам, но как только вы решите провести с ней беседу, сообщите мне. Если нужна еще какая-то информация, я всегда на связи, — пообещала гостья.

Когда Инесса ушла, я посмотрела на членов бригады:

— Ваше мнение?

— Посетительница говорила спокойно, — заметила Ада Марковна, — не суежилась, просто сообщала сведения. Несколько раз краснела, становилось понятно, что ситуация Инессе очень не нравится, но она приучена сдержанно себя вести, поэтому не демонстрирует откровенно эмоций.

Риччи подняла руку.

— Она умелая врунья. Пришла в платье, которое сшито фирмой «Шанель» на заказ. В нынешней осенне-зимней коллекции для массового покупателя такой модели нет. Но это точно «Шанель». Похоже, Инесса клиентка квартиры.

— Квартиры? — повторила я. — Чьей?

— В Париже на улице Камбон когда-то жила Коко Шанель, — начала объяснять Риччи, — и первый свой магазин она открыла в том же доме на нижнем этаже. Сейчас там ателье. В нем обшивают жен русских олигархов, богатых индианок, китайнок. Для примерки мастерицы прилетят куда угодно. Коко начинала свой бизнес с Haute Couture, пошива на заказ уникальных нарядов для богатых дам. Пошив для тех, кто средне обеспечен, добавился позднее. Нынче в магазине на улице Камбон торгуют одеждой для тех, кто может заплатить за пальто или платье, обувь или сумку большие деньги. Там нашествие китайцев, они оставляют в кассе десятки, а то и сотни тысяч евро. А вот в квартиру мадам Шанель попадают лишь те, кто спокойно тратит миллионы. Наряд Инессы, возможно, оттуда. Фирменных знаков нигде на нем нет. Но строчка, материал, фасон... Все это без слов говорит о стоимости на-

ряда. «Шанель», как, впрочем, и другие бренды тяжелого люкса, любит везде ставить свой логотип. На платьях им часто украшены пуговицы. Но Инесса заказала обычную фурнитуру, просто перламутровые застёжки и поясик без опознавательных знаков. Она любит дорогие эксклюзивные вещи, но не хочет, чтобы они бросались другим в глаза. На ногах у нее лоферы от Гуччи. Тоже по индивидуальному заказу. Сумка от малоизвестного в России бренда «Гаярд», но в Европе этого дизайнера любят. Ридикюль средней цены, доступен всем, кто хорошо зарабатывает. В ушах и на пальце изделия Ван Клифа. Опять же не для масс. Ювелир работал для Инессы. Цену драгоценностей определить трудно, но, учитывая каратность бриллиантов, полагаю, что у Листойой в ушах хорошая московская квартира, а на пальце дом в Подмосковье. Часы! Они простенькие. Опять «Шанель». Если не ошибаюсь, цена им всего пять тысяч европейских рубликов. Листова носит то, что ей нравится. И у нее с Вадимом не все гладко.

Глава пятая

— А это вы как поняли? — осведомилась Дюдюня.

— Несси, когда вошла в комнату, пробежала по Диме глазами и переключилась на Никиту, его разглядывала дольше, кокетливо улыбнулась. Коробков немолод, на пальце кольцо, такой мужик девушкам неинтересен. Никита симпатичней, некольцованный. Женщина, у которой все о'кей с партнером, так парней не оценивает. Зачем ей пирожок из магазина, если дома своя вкусная кулебяка имеется.

— Какая разница, кто во что одет? — спросил Никита Павлович.

— Мне это по барабану, — заявила Риччи, — пусть Инесса хоть голая ходит. В другом сложность. Женщина пришла с проблемой. Мы готовы ее решить. Но не сможем это сделать, если получим лживую информацию. Безразлично мне, сколько кто-то отдал за свое платье. Но Инессе известна его стоимость. По-

чему она сказала: «Я привыкла вести скромную жизнь»? У нее есть в придачу еще и привычка лгать?

— Возможно, у Листойой, как у многих очень богатых женщин, искажено восприятие действительности, — заметила Ада, — я знаю одну даму, которая говорит:

— Вот я небогатый человек, не имею неразумных желаний. Зачем мне квартира на Манхэттене? Не люблю город! Сельская Англия, вот где я хорошо себя ощущаю в нашем поместье. Тишина, покой, небольшой трехэтажный дом, всего двадцать пять комнат. Обожаю маленькие особняки. А мужу нейдет, нацелился на пентхаус в Нью-Йорке. Еще отговорила его, объяснила: «Мы с тобой всегда жили скромно. К чему нам этот Манхэттен? Домик в английской провинции милый, уютный, не пафосный, маленький — вот что принесет нам много положительных эмоций».

Это она говорит не потому, что хочет похвастаться богатством. Нет, Марина с детства жила в роскоши. Ее отец — крупный партийный функционер, когда вся страна мечтала поехать на Черное море, снять комнатку с туалетом во дворе, родители Ермаковой летали в Пицунду, мать с дочкой там три-четыре месяца проводили. Для Мариши поместье в Ан-

глии — скромный домик. Может, и у Инессы так?

— Не исключаю такой возможности, — согласилась Риччи, — но и не оставляю мысли о том, что госпожа Листова привирала, рассказывая о своей матери, отце, бараке и интернате.

— Начну собирать необходимую информацию, — остановил дискуссию Димон.

— Почему человек лжет о своем материальном недостатке? — не утихала Риччи. — Потому что денег у него нет. Или они есть, но не так много, чтобы стать своей в тонкой прослойке жен олигархов. Если хотите знать мое мнение: Инесса завистлива, не любит помогать людям, эгоистична. Тамаре Владимировне не видать ни копейки. Дочь постарается отодвинуть свою биологическую маманю от денежной кормушки.

— Не каждый человек готов простить родителя, который бросил его в детстве, — сказала Ада, — некоторые раны никогда не зарастают. Желание казаться не той, кем являешься, — это комплекс неполноценности. Но нам будет трудно работать, не имея достоверной информации.

— Танюша, у тебя телефон звонит, — остановил беседу Димон, — не рабочий, личный.

— Ну у тебя и слух! — позавидовала Дюдюня. — Дима, ты прямо горная коза!

— Обижает, однако, — покачал головой Коробок, — я индивидуум мужского пола.

— Следовательно, козел, — заявил Никита.

Я схватила трубку и услышала голос нашей домработницы:

— Танюша! Альберт Кузьмич умирает!

Я ткнула пальцем в трубку, теперь голос Бровкиной разлетелся по всему офису:

— Рина в ужасе, мне тоже очень страшно.

— Что случилось, объясни, — потребовала я.

Надежда издала стон.

— Приехала Яна, пока она мыла и вычесывала кабачков, мы искали кота! Обшарили оба этажа, нигде его нет. Осмотрели каждый угол, проползли везде, куда пролезли. Ну, нет британца!

Из трубки донеслись всхлипывания и слова:

— Он умер.

— Надя, — громко сказал Коробков, — если Альберт Кузьмич занычился так, что его не найти, это не означает, что котяра лишился жизни. Просто он хитрее вас с Риной.

— Сейчас приедем и найдем его, — пообещала я.

— Вы только по полу ползали? — уточнила Ада. — Моя тетка один раз чуть с ума не сошла, весь день искала свою кошку. Потом решила, что Мотя пробралась на балкон, си-

ганула с него и разбилась насмерть. Кинулась во двор, там полный порядок, никаких трупов. Катя вернулась домой в невменяемом состоянии и услышала «Мяу». Звук летел сверху. Тетка поняла голову, а сверху на комнатной двери сидит ее Мотя!

Послышался звяк. Я увидела фото: бумажная пеленка с огромным ярко-красным пятном.

— Что это? — насторожилась я.

— Альберта Кузьмича мы нашли, — зашептала Бровкина, — он не спрятался, спал на кровати Танюши и Ивана Никифоровича. Посадили его на стол, прикрыли тот, как всегда, пледом, взяли новый, старый совсем никудышный, стыдно его использовать. Под ним бумажная пеленка. Яна стала котика вычесывать, а тот лужу напрудил.

— Он так всегда делает, — напомнила я, — ничего особенного.

— Тань, ты посмотри, что мы увидели, когда кота сняли и решили одеяльце постирать. На пеленке лужа крови. Глянь на фото!

— Ужас! — ахнула Дюдюня. — Немедленно вызывайте Люду.

— Она в отпуске! — закричала Рина. — Мы сбросили ей снимок! Людочка сказала, что по нему трудно определить, что случилось, ка-

чество плохое. Надо сдать на анализ мочу. Вероятно, это песок выходит.

— Из Альберта Кузьмича песок высыпается? — заморгал Никита. — Кот не старый!

— Как у него анализ взять? — рыдала Ирина Леонидовна, которая отняла у домработницы телефон.

Димон застучал по клавиатуре.

— Так! Полно практических советов. Рина, успокойся. Надя, прекрати паниковать. Альберт Кузьмич нас всех переживет!

— Не говори так, — еще сильнее расстроилась мать Ивана. — Как коту одному себе поесть купить?

Коробок встал:

— Тань, надо спешить домой.

— Отправляюсь с вами, — отозвалась Дюдюня.

— Я тоже хочу поехать, — прогудел Никита.

Я посмотрела на часы.

— Риччи, вы свободны. Приезжайте завтра к полудню.

— Не желаете брать меня с собой? — задала прямой вопрос девушка. — Помешаю вам?

— Конечно, нет, — интеллигентно соврала Дюдюня.

Я промолчала, а Димон забормотал:

— Кот больно царапается, прямо до кости! Он огромный, злой, вредный!

— Обожаю таких! — подпрыгнула девица. — Скажите честно: ты новенькая, неходишь пока в наш коллектив. Тогда я уйду до завтра. Просто хочу помочь, имею опыт общения с дикими животными. Вот!

Риччи живо закатала рукав.

— Боже! — попятилась Дюдюня. — Какой шрам!

— Укус льва, — заявила девица, — мне пришлось удирать от одного мужика, а у него в поместье зоопарк. От пумы я спаслась, а лев лапу из клетки вытянул и — цап! Берете меня в команду?

Дюдюня замялась, Димон закашлялся, а Никита мигом понял, на кого перевести стрелки.

— Начальник бригады Татьяна. И мы собрались к ней домой, значит, Сергеевой решать, едете вы или нет!

Риччи округлила глаза, прижала к груди ладошки и заныла:

— Мы теперь работаем вместе, не бросайте меня, честное слово, я пригожусь.

— Садитесь в машину и езжайте за нами, — сказала я, натужно улыбаясь, — путь короткий, через пять минут на месте окажемся.

Глава шестая

— Вы на лифте, а мы с Таней пешком, —
скомандовала Дюдюня.

Риччи быстро выскочила из кабины.

— Заходите, простите, что вперед вас вошла.

— Боюсь этого подъемника, — соврала Ада Марковна, — он похож на клетку для попугая. Скрипит, кряхтит, вот-вот развалится. И Танюша его терпеть не может.

— Верно, — тоже солгала я и пошла вверх по ступенькам.

Ада Марковна поспешила следом, когда мы добрались до второго этажа, она осведомилась:

— Как тебе новая барышня?

— Пока не знаю, — вздохнула я, — она пыталась выступить в роли психолога, неплохо разбирается в моде. Умеет добиваться своего, смогла так провести сейчас разговор, что мне пришлось пригласить ее к себе. Это качество не очень приятно в дружеском общении, но для работы пригодится.

— Манипуляторша, — коротко заявила Дюдюня. — Чем она Ивану понравилась? Ты у него не спрашивала?

— Пока нет, — ответила я, шагая через ступеньку, — связь плохая, я отправила сообщение, а оно, похоже, не дошло до мужа.

— Забрался Ваня в дебри, — резюмировала Дюдюня. — Умение дернуть человека за нужную нитку, чтобы тот исполнил твое желание, в нашей конторе приветствуется. Вот подругу с таким талантом иметь не хочется. Но давай понаблюдаем за ней. Ездит на «Мини Купере», маленького размера, но большой цены машине. Пускает пыль в глаза?

Я решила быть справедливой.

— Полно машин дороже «миника», вероятно, он ей просто нравится. Если решим взять ее к нам, Риччи дадут служебный джип.

Потом вытащила из сумки ключи и открыла дверь. В холле пахло лекарством, Ада подергала носом.

— Валокордин!

— Надя этим лекарством все лечит, — объяснила я, — на ночь его принимает, чтобы хорошо спать.

— Спасибо, что приехали, — прошептала Рина, выходя из коридора, — коту, похоже, совсем плохо! Люда договорилась в своей кли-

нике, нам там анализ быстро сделают. Вы только гляньте!

Свекровь развернула пленку, которую держала в руке.

— Сколько крови, — ужаснулась Дюдюня, — неудивительно, что Альберт Кузьмич не убегает. У него сил нет.

— Вот и мы, — заявил Димон, входя в холл. — Нам необходим сачок, вот он.

Наш компьютерный гений показал на оружие ловли бабочек, которое держал в левой руке.

— Где ты достал этот давно забытый предмет? — восхитилась я.

— Неважно, — отмахнулся Коробок. — Схема такая: ждем, пока кот захочет пописать, и подсовываем под него данную снасть.

— Просто и со вкусом, — отметила Дюдюня. — Потом его надо отжимать? Он будто из марли сделан, все вытечет.

— Внутри нужно поставить миску, — объяснил Димон.

— Интересно, сколько времени нам караулить попис? — задумчиво протянула Ада Марковна.

Рина показала блистер.

— Тут пир... вет... дил... Не могу вспомнить. Даем коту одну таблетку, и вскоре полу-

чим нужный эффект. Пока вы ехали, Надя сбегала в ветаптеку и купила препарат, который посоветовала Люда.

— Как далеко зашел прогресс, — восхитилась Дюдюня, — но каким образом Альберт Кузьмич примет лекарство?

— Все сейчас сделаю, — подняла руку Риччи, — у меня три собаки. Нет проблем с пилюлями. Где объект?

— У Тани в спальне, — отрапортовала Рина. — Надя, Надя!

Послышалось шарканье, в холл с пузырьком валокордина в руке выползла домработница.

— Что вы хотите?

— Сядь на кровать и гладь Альберта Кузьмича, — велел Коробков, — надо усыпить его...

— Нет! Не дам! — заорала с такой силой Бровкина, что на люстре зазвенели подвески.

— Эй! Ты плохо себя чувствуешь? — опешил Димон.

— Не дам усыплять Альберта Кузьмича, — добавила металла в голос Надя.

— А мы и не собирались это делать! — попятился Никита.

— Ты мне не дала договорить, — возмутился Димон, — надо усыпить его...

— Не дам, — затопала ногами Бровкина.

— ...бдительность, — повысил голос Коробков, — он увидит меня с сачком, испугается и удерет! Поэтому, Надежда Михайловна, гладь кота.

— Нам надо ему писательную пиллюлю впихнуть, — напомнила я.

— Да не нервничайте вы так, — улыбнулась Риччи, — понадобится банка детского питания, мясного, без овощей. Уж, наверное, Эдуард от него не откажется.

— А где он? — спросила Рина.

— Кто? — не понял Димон.

— Эдуард, — уточнила мать Ивана.

— Не знаю, — удивился Коробков, — у вас еще кто-то завелся? Кот? Собака?

— Никакого Эдуарда в доме нет, — отрезала я, — давайте займемся Альбертом Кузьмичем.

— Ой! А я его Эдуардом обозвала, — захихикала Риччи.

— Котик не любит детское питание, — прошептала Надежда Михайловна, — он продаст душу за шпротину. Но мы ему ее не даем из-за вредности продукта.

— У нас форс-мажор! Тащи консервы, — велела Ирина Леонидовна.

Когда Бровкина поставила на прикроватный столик блюдечко с одной рыбкой, глаза кота вспыхнули огнем.

— Ага! — обрадовалась Риччи. — Обещала же, что все прокатит как по маслу! Где лекарство?

Надежда вынула из упаковки пилюлю. Девушка впихнула ее в лакомство и засмеялась.

— Битте-дритте покушать, Эдуард!

Альберт Кузьмич вскочил, бросился к угощению и стал уничтожать его, урча от удовольствия.

— Он мало похож на умирающего, — обрадовался Никита, — сдадим анализ, получим результат, выясним причину болезни.

— Все слопал, — отрапортовала Надежда Михайловна, — умница!

Кот зевнул, потянулся, вернулся к моей подушке, вытер о нее морду, измазанную маслом от консервов, потом отошел на половину мужа, лег и закрыл глаза.

— Танюша, белье тебе поменяем сразу после того, как получим попис, — пообещала Бровкина.

— Дима, где сачок? — прошептала Рина. — Надо его подсунуть под попу котика, пока он спит! Времени мало! Люда сказала: пять-семь минут — и сработает.

— Держу его наготове! — сообщил Димон и ловко втокнул сачок под британца.